

стихотворений иной жанровой ориентации наблюдается суммирование предикативных единиц, сглаживание интонационной дуги, высокий коэффициент напевности, позволяющие говорить об установке на интонационную монотонию. Обследовавший особенности вокализма в романе «Евгений Онегин» на фоне других произведений, написанных онегинской строфой, К. Ю. Постоутенко (Москва — Мюнхен) сделал вывод об общей невыразительности полученных данных, позволяющих, правда, констатировать контрастный характер параллелизма синтаксиса и фоники в романе.

Особую группу конкретных исследований составили доклады, посвященные генезису и эволюции заимствованных стиховых форм в русской поэзии. Их список по праву следует открыть работой А. А. Филоновой-Гоув (США), продемонстрировавшей особую роль византийской литургической гимнографии в становлении стиха русских церковных песнопений и — опосредованно — русской поэзии начала XX в. Эволюции сапфической строфы в русской поэзии XVIII—XX вв. — от Сумарокова до Вяч. Иванова — посвятил свой доклад Ч. Дрейдж (Великобритания), показавший постепенное вытеснение латинской (горацианской) цезурированной модели незезурированной греческой. М. Тарлинская (США) убедительно показала, что в переводах И. Аксенова из елизаветинцев господствовал не ритмический буквализм, как принято было считать, а куда более смелое по сравнению с английскими оригиналами ритмическое новаторство, что позволяет считать эти переводы образцов следования ритмическому духу, а не букве подлинника.

Мастерству стихотворного перевода с русского и на русский было посвящено еще несколько докладов. Так, Х. Кайперт (Бонн) показал, как Н. Н. Поповский в своем некогда знаменитом переводе «Опыта о человеке» А. Попа (1757) оказывается вынужденным дополнять и «раскрашивать» текст прежде всего в силу неверно выбранного размера. Последовательное приближение трех русских переводчиков — К. Д. Бальмонта (1911), С. Я. Маршака (1955) и К. И. Чуковского (1969) к оригинальной ритмике У. Уитмена продемонстрировал Л. Богослав (США) в докладе «Композиционные особенности трех русских переводов стихотворения

Уолта Уитмена «Had I the choice». Механизму сохранения технической виртуозности Д. Кита в конгениально виртуальных переводах Б. Л. Пастернака посвятил свой доклад Б. Шерр (США). Использовать полиморфный русский стих для перевода шевченковского варианта украинского народного коломыйкового метра предложил А. Л. Жовтис (Алма-Ата), убедительно подтвердив это предложение прекрасными собственными переводами. Наконец, С. Гардзонио (Флоренция) проследил историю переложений и переводов на итальянский язык «Евгения Онегина», показав, что сначала роман вынужденно воспринимался читателями его переводов как цикл прозаических миниатюр, затем — как астрофическое образование — и лишь с начала 1980-х годов как строфически упорядоченный роман в стихах.

Еще несколько докладов было посвящено собственно славянскому стиху. Так, Р. Кунчева попробовала ответить на вопрос, почему в болгарском четырехстопном ямбе не появляется двучленный альтернирующий ритм, что, по мнению докладчицы, связано с единственным возможным в болгарском языке вариантом первого икта. Подобным же образом — на фоне хорошо изученной русской традиции — попытался определить специфику словенской силлаботоники А. Белевич. Подробное описание особенностей ритмики югославянского сонета предпринял В. В. Сонькин (Москва), показав, в частности, сильное влияние на национальную систему стиха народной силлабики. Характеризуя особенности современного польского свободного стиха, Д. Урбаньска отметила определяющую роль графики в его структуре. Другую часть контекста русского стиха — народное стихосложение — проанализировали в своих докладах Д. Бейли (США), на основании сравнительного анализа 40 вариантов свадебной песни «Отлетала лебедушка» попытавшийся вновь доказать силлаботоническую природу русского народного стиха, и Е. Б. Артеменко из Воронежа, показавшая принципиальное отличие народной версификации, неразрывно связанной с напевом, от литературной.

По материалам конференции предполагается выпустить сборник в издательстве «Наука».

Ю. Б. Орлицкий